

Глава 6. Обратный отсчет

Шаг за шагом общественные волнения уменьшались. Обыватели смирялись с фактом существования троянца, получая все больше подтверждений тому, что новые явления и условности, которые он внес в их жизнь, не требуют от них пересмотра своего поведения и не ограничивают их в удовлетворении своих потребностей. Ими постепенно принималась новая данность – несмотря на то, что страх и недоверие, которые каждый из них ощущал в отношении к странным феноменам, держались дольше, чем хотелось бы. К сожалению, многотысячный штат психотерапевтов оказался абсолютно бесполезным – не в последнюю очередь из-за полной утраты доверия к институту общения, а также из-за полной дискредитации самой аналитики переживаний. Впрочем, в этот раз социум легко обошелся без их помощи. Каждый член общества инстинктивно доверился своему природному чутью – и не прогадал, несмотря на то, что был лишен представления о глубинных защитных механизмах психики, на которые при этом полагался. Не сговариваясь, все, как один, постарались в своей жизни сосредоточиться на самых простых вещах, требующих минимума рефлексии, но порождающих яркие и цепкие переживания, которые бы гарантировали четкую и предсказуемую рефлекторную реакцию и не оставляли времени на осмысление полученного впечатления. В обществе еще выше, чем прежде, поднялась ценность естественных потребностей, натуральных стимулов и природных мотивов, еще большей популярностью стали пользоваться примитивные удовольствия – телешоу, конкурсы, автогонки, туризм, состязания, карнавалы... Каждый обыватель неосознанно использовал любые зацепки, чтобы избавить свое сознание от мыслей о раздражающих событиях недавних дней, вытесняя негативные воспоминания и заменяя их разнообразными впечатлениями повседневного характера. Этот подход не замедлил дать результаты, и уже очень скоро, едва только тенденция к стабилизации смогла принять устойчивую форму, политики с учеными облегченно вздохнули – теперь можно было полностью сосредоточиться на главной проблеме.

Письма Брайана, в которых он предупреждал об опасности, грозящей со стороны Китая и России, были получены и прочитаны его товарищами на следующее же утро. Однако ни Тэд Пауэлл, ни Стиан Саген не смогли передать эту информацию по назначению. Несмотря на то, что каждый из них обдумывал это независимо от другого, оба пришли к одному и тому же выводу: предупреждение нельзя оставить без внимания, информация безусловно важна для главных лиц государства. Но дальше возникали сложности.

Тэд Пауэлл представил, как он приходит к Тайлеру и говорит ему, что китайская или российская разведки вышли на прямой контакт с людьми, владеющими данными Илиона. Сразу возникал вопрос: откуда он сам знает об этом? Вышли на него лично? А если не на него, то на кого? Как он об этом узнал?

Со своей стороны, Стиан Саген также испытывал затруднения, пытаясь представить себе, как ему сообщить начальству об угрозе проекту, не подставляя при этом Брайана, который является единственным доказательством своих слов и находится в самом уязвимом положении из всех них...

Ни одному из них не удалось найти удовлетворительные ответы на эти вопросы, поэтому информация Брайана повисла в воздухе. Оба решили дожидаться подходящего момента, хотя понимали, что время не терпит – тикающий таймер обратного отсчета приобрел конкретные очертания.

Прошло несколько дней. Группа Илион продолжала искать ключ к троянцу. Однажды, под самый конец рабочего дня, их лаборатории посетил Тайлер и попросил не расходиться.

– Соберитесь в нашем зале, будут гости “сверху”.

На вызванные этим сообщением вопросы он лишь пожал плечами и ответил:

– Увы, без малейшего понятия. Меня самого предупредили пять минут назад. Вероятно, Уинстон хочет обсудить прогресс.

Так как времени оставалось слишком мало для того, чтобы успеть набросать какие-либо тезисы для отчета о работе, ученые просто махнули рукой и продолжили работу. К таким встречам они уже давно привыкли.

Кларк Уинстон на этот раз пришел не один, вместе с ним были Нил Торрес и тот самый невзрачный человек из отдела безопасности – Кеннет Вуд. Он появлялся нечасто, лишь в самые напряженные моменты, в частности, когда общественные волнения принимали наиболее угрожающую форму. А вместе с Торресом его видели лишь пару раз. Все поняли, что им предстоит услышать что-то серьезное.

Встреча, однако, началась как обычно. После того, как стулья были заняты, Уинстон попросил рассказать об успехах, *“и вообще, что нового из идей”*. Учитывая то, что последний отчет был отправлен совсем недавно, все поняли, что этот вопрос задан в качестве преамбулы, но, тем не менее, постарались ответить на него, приближая этим озвучивание главной причины собрания.

Один из математиков рассказал о свежем предположении, согласно которому текст троянца на самом деле может не содержать в себе никакой информации, являясь лишь триггером, который инициирует осознание ранее произведенного внушения. Этот триггер просто извлекает из подсознания некий внушенный блок, который был ранее помещен тем или иным импринтингом при помощи источников, никак не связанных с самим троянцем. Эта идея первое время казалась весьма заманчивой, поскольку легко объясняла отсутствие успехов в их попытках обнаружить в самом троянце механизм кодирования второго смыслового пласта.

Однако после ряда опытов и скрупулезного анализа собранных данных от этой версии пришлось отказаться. Выяснилось, что большинство из ознакомившихся с текстом людей не обладало доступом к одним и тем же каналам информации, часть из них вообще относилась к разным социально-культурным средам, при этом однородность проявления у всех реципиентов эффекта троянца никак не коррелировала с крайне слабым пересечением информационных пространств, в которых они находились. Более того, опыты с недавно освоившими английский язык и не жившими до этого в данной языковой среде, убедительно продемонстрировали, что эффект текста полностью сохраняется для тех, кто достаточно хорошо понимает его. Эффект обнаружился даже у бывших вырванными из медиа-пространства из-за проблем со зрением и слухом в течение последних нескольких лет – получив возможность ознакомиться с текстом, они сообщили о тех же ощущениях. Таким образом, от гипотезы трактовки троянца как “ключа-активатора” отказались.

Выслушав это, Уинстон нейтральным тоном признал, что даже отрицательные результаты, несомненно, несут в себе какую-то пользу. Говоря это, он понимал, что перед ним сидят умные люди, которые догадаются, что на самом деле означают его слова: “В сущности, отрицательные результаты – это единственное, чем вы до сих пор можете похвастаться, и я опять проявляю снисхождение, принимая их.” Судя по кислым физиономиям присутствующих, его поняли достаточно хорошо.

– Сегодня мы собрались совсем по другому поводу, – сказал Уинстон, доставая планшет.

При этих словах группа Илион заметно оживилась, подобно школьникам, сообразившим, что часть урока, на которой у них проверяют домашнюю работу, уже позади, и теперь можно расслабиться, слушая, как учитель излагает новый материал.

– Впрочем, это повод лишний раз свидетельствует о том, что пора переходить от отрицательных результатов к положительным и практическим, – тут же остудил их настроение советник.

Он включил планшет и, периодически поглядывая на него, сообщил им следующее: в то время, пока группа Илион работала над троянцем, их попечители не сидели без дела. Работа спецслужб не

ограничивалась мониторингом общественных событий и настроений в собственном государстве. Соответствующие задачи были поставлены и перед внешней разведкой. После первых же масштабных проявлений троянца все поняли, что на него обязательно обратят внимание за пределами страны. Резиденты в ряде государств получили указания обращать особое внимание на внезапную мобилизацию ученых характерных специальностей, на публикации в прессе (и особенно – на прекращение некоторых публикаций), на изменение расписания политиков, вообще – на все, что может показаться необычным.

Информация, которую они вчера получили от своих агентов в Италии, поразила всех. Один из их информаторов, обладающий высокой степенью доверия, сообщил им, что Ватикан очень серьезно заинтересовался троянцем и уже более чем неделю сосредоточенно изучает его, призвав всех верных католической идее ученых с разных уголков земного шара. Разработка держится в строгом секрете, но в том, что она идет полным ходом, нет никаких сомнений. Церковь безошибочно распознала в троянце огромный потенциал и ухватилась за идею его эксплуатации профессиональной хваткой.

Это сообщение значило очень многое. Помимо того, что оно содержало само по себе, оно также подтверждало худшие опасения – троянец действительно привлек внимание остальных держав и глобальных институтов, жаждущих обрести эту технологию и обладающих всеми средствами для ее масштабного использования. Из того факта, что изучением троянца занялся Ватикан, следовало, что он не единственный, наверняка на этом поле были и другие игроки, желающие первыми добраться до главного приза. Не было никакого сомнения, что в их числе самые крупные державы, особенно склонные к авторитарным формам правления. Возможно, не только они. И если действительно механизмы троянца не ограничиваются одним-единственным языком (обратное было бы маловероятно), то за их раскрытием немедленно последуют такие события, которые по масштабу и последствиям на порядок превзойдут всё то, что им недавно довелось пережить.

Сообщение советника не только озадачило присутствующих, но и вернуло нервозность, о которой уже начали забывать после того, как общество немного успокоилось. Оказывается, теперь они соревнуются с какой-то группой противников – и, скорее всего, даже не с одной! Оказывается, что их могут опередить – и в этом случае созданный инструмент может быть применен уже не с целью распространения какой-то абстрактной идеи, а с целью манипулятивного внушения и навязывания чужой воли – их стране, их семьям, им самим... Все поняли, что советник был прав: период довольствования отрицательными результатами и фальсификаций ошибочных теорий пройден. Теперь у них не было никакого иного выхода, кроме как срочно найти решение задачи.

Лишь два человека из группы Илион были менее удручены, чем остальные, хотя сумели этого не показать. Стиан и Тэд, для которых эта информация не стала новостью, облегченно вздохнули, когда после доклада Уинстона началась оживленная дискуссия в попытках угадать параллельно работающие группы и предположить возможные направления их исследований. Оба тут же сообразили, что им представился удобный предлог для того, чтобы сообщить о предупреждении Брайана, не афишируя его участия. Едва только в общем гуле голосов начали высказываться версии относительно прочих стран, обладающих достаточными ресурсами и заинтересованностью в создании подобных Илиону групп, как оба, каждый со своего места, вбросили имена России и Китая. Уинстон, прислушиваясь к дискуссии, время от времени кивал, соглашаясь с некоторыми версиями, а сидящие рядом с ним Нил и Кеннет аккуратно фиксировали наиболее заинтересовавшие их тезисы. Скоро в зале разгорелся спор, участники которого уже через пару минут забыли о присутствующих здесь высокопоставленных лицах. Стоило кому-либо из ученых высказать свою версию происходящего, как её тут же дополняли – с одной стороны возможными ее аналогиями и вариациями, с другой – беспощадной критикой.

– То есть, ты полагаешь, что папа римский будет забрасывать своих троянцев к нам через молитвы?..

– Ну хорошо, допустим русские первыми разложат нашего троянца по полочкам – что это им даст? Им придется адаптировать систему, созданную в аналитическом языке, к синтетическому..

– А откуда у Китая уверенность в том, что иероглифы потянут на себе троянца?

– Ну, с такой логикой мы докатимся до идеографии и станем пугаться иконок в браузере и рисунков на стенах!..

Очень быстро атмосфера раскалилось настолько, что советник был вынужден взять происходящее под свой контроль – приподнявшись, он попросил тишины и сказал, что группу уведомили не для праздных спекуляций, но лишь в качестве напоминания о важности ускорения работ. Он поблагодарил всех за те идеи, которыми они поделились в ходе спора, сказал, что с некоторыми из них он полностью согласен, и что разведка сегодня же получит соответствующие указания. После чего предложил подвести итоги собранию.

Тайлер взял слово.

– Надеюсь, я выражу общее мнение, сказав, что из всего прозвучавшего сегодня главным является слово “время”. Если раньше мы считали, что у нас его немного, то теперь мы лишились самой возможности оценивать его лимит. Одно ясно – таймер обратного отсчета запущен. У нас нет иного выхода, кроме как любой ценой форсировать исследования, потому, что первый, кто доберется до механизмов эффекта, будет обладать преимуществом... ультимативного характера.

Он посмотрел на Уинстона. Тот кивнул и добавил:

– К сожалению, ситуация складывается таким образом, что если в ближайшие дни мы по-прежнему не будем иметь практических результатов, может оказаться, что искать их будет уже поздно.

На это возразить было нечего. Обсудив несколько вопросов нового регламента, ученые разошлись, оставив в помещении только советника, менеджера и генерала с особистом.

– Тайлер, – сказал советник, – я не исключаю возможности усиления группы. Если вам будет недоставать людей, попробуйте подключить новых. Тут решать вам, по-прежнему – никаких ограничений. И обязательно поддерживайте у них такой боевой дух, как сегодня – я давно их не видел в таком настроении. Пусть спорят, ругаются – немного полемической агрессии никогда не повредит. А то они в последнее время у вас совсем апатичными стали. Держите энтузиазм на уровне... В общем, не мне вам объяснять.

Тайлер кивнул.

– Это не все, – добавил советник и посмотрел на генерала.

– Брайан? – спросил Нил.

– Совершенно верно, – и Уинстон задумчиво постучал костяшкой пальца по столу. – Сейчас он нам может пригодиться именно как член группы. Если вы у него на хвосте, постарайтесь аккуратно войти в контакт и предложить работу на условиях закрытия глаз на все, что было до сих пор. Он не может не понимать, что сейчас важнее. А если все-таки не поймет... ну, тогда вы знаете, что делать.

– Понял, – кивнул генерал. – Задача-минимум: не допустить к нему конкурентов. Максимум – к нам.

– Именно так, – подтвердил советник.

– Ему удалось ненадолго исчезнуть из поля нашего зрения, но вчера пришло сообщение, что наши агенты заметили его в провинции. Через пару дней мы будем знать его точный адрес.

Когда Брайан вынужден был покинуть пансионат, больше всего он жалел не о том, что растается с уютным пристанищем, к которому успел привыкнуть – он прекрасно знал, что это была лишь временная остановка. Самым неприятным во всем происшедшем было то, что теперь, когда он оказался преследуемым сразу несколькими разведками мира, для него оставался только один путь –

на социальное дно. Он сможет затеряться лишь там, где исчезают все те, на ком сходятся фокусы пристального внимания, подобно тому, как мелкая рыбешка ускользает от глаз акулы в огромной миллионной стае таких же, как она сама. Он не может больше рисковать попытками затеряться в цивилизованном обществе благонамеренных буржуа – его слишком легко обнаруживают в этой среде. Раз насыщенные планктоном воды больше не для него, значит, пришла пора зарываться в ил.

Эти мысли привели его в большой город, в один из тех его районов, которые законопослушные граждане стараются обходить стороной. Брайан боялся, что его речь, манеры и одежда выдадут чужака, однако его страхи оказались напрасными. Перед тем, как попасть сюда, он не только освоился с правилами поведения своего нового окружения, но и обзавелся рядом черт, необходимых для мимикрии в этой среде. Это произошло постепенно, как-то само собой, в течении нескольких дней, пока он добирался до места назначения, делая крюки и чередуя попутные машины с марш-бросками на своих двоих. Пару ночей он провел в пустых салонах полусгнивших автомашин, раз заночевал под монументальным мостом-акведуком, проброшенным между двумя скалистыми холмами. Под его бетонными опорами обнаружилось что-то вроде стационарной стоянки – у костров грелись нищие и бродяги, под грязными палатками ютилось несколько проституток и наркоманов, напротив которых разложила свои грязные пожитки парочка неумелых автостопщиков. Брайан примкнул к этому пестрому обществу, зная, что уже почти не отличается от этих людей ни одеждой, ни манерами.

Это была его вторая ночевка в окружении бродяг, к тому времени он успел преодолеть напряжение, возникающее в их обществе и неизбежное для человека его культуры. Устроившись на какой-то картонке и облокотившись на деревянные доски, прислоненные к бетонной опоре моста, он отдыхал, неторопливо жуя дешевую пиццу, купленную по пути, и прислушиваясь к разговорам вокруг. К его удивлению социолога, много лет преподававшего теорию социальных страт, но ни разу не выбиравшегося за пределы своей собственной, оказалось, что беседы между бродягами, проститутками и наркоманами, лишившимися жилья, обладают той же самой практической ценностью, что и беседы представителей того класса, в котором до этого вращался Брайан. Он даже рискнул бы предположить, что информационная плотность их дискурса выше, поскольку она оказалась более предметной и конкретной. Например, сам Брайан, почти не задавая вопросов, без труда выяснил все, что ему хотелось узнать о наилучших ночлежных домах в ближайшем мегаполисе. Затем ему с массой деталей, показавшихся ему избыточными, но впоследствии оцененными им по достоинству, объяснили нюансы избегания полиции и крупных банд, контролирующих районы проживания нищих. Беседуя с этими людьми, Брайан был уверен, что он уже достаточно похож на них самих, и даже старался разговаривать на одном с ними языке, однако быстро понял, что его раскусили в первые же минуты. Дистанция несомненно оставалась, но она не содержала в себе какой-либо враждебности – он легко узнавал все, что его интересовало.

Постепенно он начал привыкать к порывам ветра, потрескиванию костра и неумолкающим соседям вокруг него. Рядом двое бродяг обсуждали выгоды жизни вблизи большого города: один из них, сильно пахнущий потом и напоминавший спившегося водителя-дальнобойщика бородач, убеждал второго, которого Брайан в сумерках уже не мог разглядеть, в том, что в городе намного больше шансов найти бесплатную еду, одежду и даже жилье. Его оппонент яростно отрицал это, сперва ограничиваясь лапидарными комментариями, в основном состоящими из коротких обсцентных термов, но затем, не вытерпев, сообщил, что в центре города никогда нельзя найти таких богатств, какие бывают на периферии. Взять, к примеру, его самого – он знает о продовольственном складе, который когда-то принадлежал известной, но обанкротившейся фирме по поставкам. У этой фирмы где-то на границе города был бункер с холодильниками, в которых до сих пор должна храниться масса консервов и прочих продуктов...

– Тебе-то откуда знать?

– Я там грузчиком шабашил, но на другом складе. Знаю точно.

– Ну и что с того?

– Ты глухой? Я ж говорю – когда нас прижали налоговики, хозяин документацию побросал и умотал. А про склады все забыли. Если б ты работал в таких конторах, ты бы знал, сколько добра там оставляют просто так...

– Ну так что ж ты не нашел тот бункер?

– Откуда я знаю, где он? Да и толку с него – там одни консервы... В этом районе у меня и без того бесплатной жратвы навалом. Ну... если б там техника была, типа мобильники или микроволновки – тогда другое дело... их ещё можно барыгам толкнуть...

– А-а, – зевнул бородатый дальнбойщик, – ради жратвы нет смысла... – и завозился, устраиваясь спать.

Брайан услышал этот диалог, еще не успев заснуть, и поймал себя на мысли: каким интересным может оказаться положение маргинала. Он имеет возможность получать и сопоставлять информацию из двух социальных пространств, каждое из которых замкнуто на себе и лишено возможности сложить общую картину из доступных ему фрагментарных сведений... Дело в том, что Брайан догадался, о каком бункере шла речь – он узнал фирму по описанию и деталям, проскользнувшем в рассказе бывшего грузчика. Брайан когда-то сотрудничал с этой конторой – та заказывала у его кафедры расчет какой-то статистики по дистрибуции продуктовых предпочтений или что-то вроде этого...

Несмотря на усталость, сон не спешил к Брайану. Спину холодил ветерок, в уши ввинчивалось невнятное бормотание окружающих, высоко над головой то и дело проносились машины – все это было слишком непривычной обстановкой для того, чтобы забыться. Он попытался абстрагироваться от этого, надеясь, что его мысли позволят ему забыть об окружающей обстановке, о том положении, в котором он находится, о своих вынужденных соседях. В сущности, рассуждал он, все это – условности, значимость которых исключительно конвенциональна. Даже значимость физиологических критериев комфорта может быть условна... во всяком случае, сейчас ему очень хотелось бы в это верить. Впрочем точно так же, – тут же пришло ему в голову, – ему бы захотелось, чтобы физиологически обусловленные критерии комфорта обладали безусловной ценностью – в случае, если бы они оказались полностью удовлетворенным для него в данный момент и в ближайшем будущем...

“До тех пор, пока мы сохраняем неизменной способность к восприятию окружающего мира и полностью удовлетворены получаемыми ощущениями, наше означивание его сохраняется стабильным, – думал Брайан, ежась под своей курткой, на которую он накинул замасленную ветошь. – Но эта стабильность неизменна лишь до тех пор, пока сохраняется та концептуальная система, при помощи которой мы структурируем воспринимаемое... Дрейф концептов приводит к дрейфу реальности... Зачем мне вообще лезут в голову эти тривиальные вещи, о которых давным-давно написано... Экзорцисты средневековья, изгонявшие бесов из одержимых, были ничуть не менее объективны и рациональны, чем современные психоаналитики. Одержимость дьяволом в те времена обладала тем же онтологическим статусом, какой сейчас обрели психологические комплексы... которые столь же нечетко определены, сколь и реальны... и столь же подвластны избавлению от них при помощи соответствующих методик – в которых вера пациента и экзорциста является основой успеха...”

Он успел выспаться, пока их компанию под мостом не начали тревожить первые лучи рассвета. Утром он, ни с кем не прощаясь, покинул эту странную яму под мостом, испещренную кострами и спальниками, не забыв, впрочем, ни одну из тех мыслей, которые его в ней посетили.

Прибыв в большой город, он воспользовался советами и рекомендациями, полученными от опытных бродяг. Брайану удалось быстро подыскать подходящее убежище, хозяин которого, пожилой

китаец, предложил ему довольно чистую для такого района комнатуху. В подвале дома даже оказалась прачечная, о чем китаец не преминул сообщить, впрочем тут же строго добавив:

– Подвал для только стирать! Тайники для наркотики скрыть не разрешается! Сюда полиция не надо. Ясно?

– Абсолютно ясно! – успокоил его Брайан, искренне надеясь, что в этот раз он обойдется использованием прачечной сугубо по назначению.

Через пару дней Брайан уже освоился на новом месте и неплохо ориентировался в нравах местных жителей. Он знал, куда и в какое время здесь можно пойти пообедать, а также – что ещё важнее – где и когда лучше не появляться. Связь с товарищами была восстановлена, можно было продолжать свою негласную работу над троянцем.

Однажды, сидя в облюбованном им кафе, заполненном такими же, как он, изгоями общества, а также теми, кто их обслуживал и использовал, его взгляд задержался на одной из сидевших у окна женщин – ему показалось, что он ее видит уже не в первый раз. Наверное она также жила где-то неподалеку. Через мгновение он вспомнил – да, точно, впервые он ее увидел вчера, но только со спины. Она привлекла его внимание странной репликой – совершенно несвойственной здесь, в этом месте. Он тогда сидел, заканчивая обед, когда вдруг рядом с ним кто-то произнес:

– Merde... – молодым женским голосом.

Собственно, не столько само слово, сколько интонация, с которой оно прозвучало – долгий и печальный первый слог, раскатистое “er” – все это в данной ситуации было ярким маркером для его опытного уха. Возможно, это французское восклицание не обратило бы на себя внимания Брайана, не будь оно произнесено с таким утонченным букетом безадресного презрения и невыразимой усталости. Он тут же в удивлении поднял голову, но успел увидеть лишь ее спину и поникшие худые плечи, на которых болталась изящная сумочка – эта деталь гардероба своим дизайном выбивалась из антуража захудалого кафе даже больше, чем сама реплика. Остальные части ее одежды ничем не отличались от окружающих. Она покинула кафе, но он еще с минуту смотрел на закрывшиеся за ней двери, затем пожал плечами и вернулся к своему обеду.

Сейчас, увидев эту сумочку боковым зрением, он даже не сразу понял, что привлекло его внимание. И лишь пытаясь разглядеть ее лицо, он понял, почему заинтересовался. Это была она, которая тогда ругнулась, проходя мимо него. Сейчас, глядя на нее, он видел, что в ней не было ничего особенного, что отличало бы ее от остальных, если не считать этой странной сумочки, чья стоимость явно превосходила заработок за месяц всех собравшихся в этом кафе. Это была довольно симпатичная женщина лет тридцати, стройная, но с болезненной худобой, выдающей следы болезни или склонность к наркотикам. Лицо ее было довольно напряженным, но мягкая линия скул еще хранила черты естественной наивности. Черные волосы были зачесаны вовнутрь, одежда была простая, из тех же секунд, что и у прочих, включая самого Брайана, однако каждая ее деталь была подобрана со вкусом и гармонировала с остальными частями одежды так удачно, что сразу становилось ясно – это не случайное совпадение...

Брайан не успел рассмотреть ее глаза, как вдруг случилось то, чего он боялся больше всего, и чего никак не мог ожидать в данный момент – заметив, как он уставился на нее, девушка подняла глаза и посмотрела на него самого. Затем ее глаза моргнули и широко раскрылись, сжатые губы чуть шевельнулись, словно она хотела что-то сказать самой себе, она сделала неуверенное движение, остановила его на полпути, затем решила и, поднявшись со своего места, направилась прямо к Брайану.

К этому моменту он успел триста раз проклясть себя за свое дурацкое любопытство.

Девушка подошла к его столику, взялась за стул и знакомым голосом спросила:

– Можно?

Брайан умудрился одновременно кивнуть и пожать плечами.

Она села и положила сумочку перед собой, теребя пальцами ремешок в попытках унять странное волнение, удивляющее Брайана не меньше, чем сам ее визит. Причины его собственного волнения были для него предельно ясны – но в его пальцах была только вилка, и он со стыдом услышал, как края ее зубчиков нервно застучали по дну тарелки.

– Вы – Брайан? Брайан Насу? – спросила девушка, наклонив голову и пытаясь присмотреться к его лицу.

Вилка упала. “Бля!..” – в отчаянии подумал про себя Брайан, охваченный досадой, не замечая при этом, что его губы артикулировали каждую букву этого немого восклицания.

Девушка оглянулась назад, где у стойки галдело несколько представительниц древнейшей профессии, и, улыбнувшись, поспешила ответить:

– Нет-нет! Я не... Я не ищу клиента, если вы решили... Я – ваша студентка! Вы ведь Брайан? Вы у нас преподавали... Меня зовут Джесси. Джесси Келли. Вы меня не помните?

При этих словах Брайан ощутил, как его внезапный испуг отхлынул, сменившись чувством облегчения пополам со стыдом за собственную бестактность и вульгарность, наличие которых у себя он до сих пор не подозревал. Их тут же сменила теплая волна радости от неожиданной встречи со знакомым человеком – похоже, он действительно знал такую... Но если это она – как же она изменилась!

– Вас невозможно узнать!.. – произнесла она, видя по его лицу, что не ошиблась.

Они разговорились быстрее, чем у него опустился к норме подпрыгнувший уровень адреналина. Он действительно вспомнил Джесси – студентку, которая посещала его лекции года три назад. Не прошло и нескольких секунд после того как она назвала свое имя, как из-под тяжелых теней вокруг ее глаз и прядей сбившихся волос проступили знакомые черты. Джесси продолжала всматриваться в его лицо, ее удивленные зеленые глаза были широко раскрыты, и Брайан понимал, что это было вызвано отнюдь не отвратительным освещением зала, в котором они находились. Ее губы дрогнули и он понял, о чем она его сейчас спросит. Но что ей ответить?

– Как вы здесь... Что с вами случилось?

И тут ему вдруг захотелось рассказать ей все. “Катись оно все к черту! – решил Брайан. – Она меня уже узнала... Что это изменит?”

И он рассказал ей о том, как оказался здесь. Рассказал ей о своей публикации, о допросе, о бегстве и преследованиях, но ни словом не обмолвился о том, что не играло роль в его повествовании – о троянце, Илионе, китайцах и прочих любителях играть пешками на двухцветных досках. Он рассказал ей о том, как ночевал под мостом, о том, что живет здесь уже несколько дней, и даже, успев успокоиться к этому моменту, упомянул о том, что обратил внимание на “merde”, вырвавшееся у нее недавно в этом зале.

Джесси слушала его, застыв на месте в одной позе, полностью ошеломленная его рассказом. Даже если она и умела скрывать свои чувства, было видно, что она сейчас совершенно не заботится о том, как выглядит – ее лицо замерло, глаза не отрывались от него, ресницы подрагивали, выдавая охватившее ее волнение. Ее губы иногда беззвучно повторяли наиболее поражающие ее фразы, а когда Брайан рассказал о том, как ушел из-под слезки, выпрыгнув из окна пансионата, она облегченно вскрикнула и радостно засмеялась, хлопнув в ладоши.

– Bon diable! – воскликнула она, прижав ладони к груди. – Не может быть!

Брайан взял чашку и хлебнул сока, освежая горло.

– Несколько дней ушло на дорогу сюда. Надеюсь, что в этих местах меня не скоро начнут искать, – сказал он. – А у тебя как дела? Что ты здесь делаешь?

Ее смех быстро оборвался, пальцы сжались и медленно расслабились. Она снова усмехнулась – но на этот раз с той милой горечью, с какой всегда усмеваются женщины, когда им напоминают о жалости к самим себе.

И он узнал ее историю, которая была куда тривиальнее его собственной.

Закончив обучение, она получила из Европы приглашение на стажировку в одной организации, которая под эгидой ООН проводила исследования в среде парижской молодежи. Подобное предложение было бы заманчивым не только для вчерашней студентки, но для любого молодого ученого, поэтому она приняла его без колебаний. Её задачей было формировать опросники, иногда участвовать в сборе данных, проводить предварительный анализ – все это было именно тем, что она ждала от своей будущей профессии. Работа действительно оказалась очень интересной, она быстро втянулась в языковую среду, кроме того, французским неплохо владела еще со школы, так что все было просто замечательно. И даже больше, чем замечательно, потому, что это был Париж, она была молода, она была востребована, она была самостоятельна... В ночных клубах, которые она теперь посещала уже не только ради развлечений, но – как она себя убеждала – в первую очередь по делу службы, она легко и удивительно быстро пристрастилась к легким стимулирующим наркотикам. Поначалу это не мешало напряженному графику, даже наоборот – давало дополнительную энергию, продлевая сутки, полные напряженной работы. Но затем кислоты в жизни стало становиться все больше, а работы все меньше. В общем, в один прекрасный момент она поняла, что пора принимать решение – или возвращаться к нормальной жизни, или скатываться на дно, к тем, кто еще недавно был объектом ее исследований. Она была решительной девушкой, и в тот же день разорвала контракт с нанявшей ее организацией, извинилась и улетела домой.

Увы, скоро выяснилось, что решение было принято слишком поздно – она уже не могла обходиться без химии. Ей удалось здесь устроиться на какую-то второстепенную должность, имевшую косвенное отношение к социологии, но долго она там не продержалась. Дальше события разворачивались быстрее, чем она успевала осознавать их катастрофичность: потеря работы, замаранное резюме, финансовые проблемы, испорченная кредитная история, скандалы с соседями, выезд с хорошей квартиры, утрата карьерных перспектив – чем дальше, тем меньше свободы оставляла ей та колея, в которую она попала... После того, как она распрощалась с последней надеждой найти работу по специальности, она оказалась в этом районе, где снимает сейчас квартиру на последнем этаже в соседнем корпусе, изредка промышляя случайными заработками на копирайтерстве, не гнушаясь ни консумацией, ни эскорт-сервисом...

Увлечись рассказом, она заново стала переживать все, что с ней произошло. Было видно, что она давно уже ни с кем не делилась своей жизнью – что, впрочем, было неудивительно, учитывая ту огромную культурную дистанцию, которая была между ней и ее нынешним окружением. Брайан слушал ее, облокотившись виском о ладонь правой руки, а в левой он держал ее пальцы, которыми она, не замечая этого сама, в порыве повествования схватилась за его руку, и так и не отпустила её. Наконец, закончив рассказ, с красными и мокрыми глазами, она растерянно огляделась по сторонам, заметила свою ладонь и смущенно освободилась. Брайан продолжал смотреть на нее, зная, что должен что-то сказать и понимая, что говорить что-либо бесполезно. Она была достаточно умна, чтобы понимать, что любые слова, которые он сейчас произнесет, будут предсказуемой формальностью, сколь бы искренними они ни были – и это мгновенно отразилось на ее лице: оно ожесточилось, ее губы сжались, а глаза похолодели.

– Ты вот заметил, что у меня вчера вырвалось здесь это *merde*, – сказала она, с ненавистью глядя на окружавшие их столики, за которыми шумели посетители. – Посмотри на этих клошар... Посмотри на этот хлев. Как это еще можно назвать?! Вся эта жизнь – дерьмо... Я живу тут уже полгода, но чем дальше, тем меньше желания видеть это все, и себя саму в том числе...

Она замолчала, смотря прямо перед собой погасшими, ничего не выражающими глазами. Возле ее руки пристроилась муха и начала деловито исследовать жирные пятна на поверхности стола. Джесси сжала губы, ее ладонь взметнулась и с размаху расплющила насекомое, подбросив на столе зазвеневшую посуду и заставив обернуться в их сторону полдюжину голов.

– Полегчало? – с улыбкой спросил Брайан, глядя как она брезгливо вытирает ладонь о столешницу.

Она посмотрела на него взглядом, в котором уже не было ни малейшей злобы, а только лишь обида безвинно побитой собаки, затем кивнула и расплакалась. И при этом улыбалась сквозь слезы, видя, что он смотрит на нее с сочувственной улыбкой.

– Любые воспоминания о прошедшем, – как можно мягче произнес Брайан, – приводят к тому, что человек начинает испытывать к себе либо жалость, либо самодовольство. И то, и другое – одинаково плохо, Джесси... – но, увидев, как изменилось её лицо, тут же вспомнил, что утешать женщин никогда не умел, поэтому сменил тему: – Знаешь... кафе уже закрывается. Давай, я тебя отведу домой. Не стоит здесь ночью ходить одной. Извини, что я разбередил твои...

И тут словно какая-то мысль осветила ее лицо – она повернулась к нему, подбравшись и чуть подавшись вперед, затем одной рукой схватилась за сумочку, а второй решительно взялась за его ладонь.

– Нет, – уверенным голосом сказала она. – Во-первых, я этот район знаю лучше тебя, во-вторых, тебе самому не стоит бродить где попало. Мы идем ко мне. И это не обсуждается.

Она говорила, глядя на него с уверенностью женщины, в которой искренняя забота и радость от встречи человека, наконец-то не уступающего ей самой, перемешивалась с чем-то еще, и, угадывая это что-то, Брайан – почти без удивления – не обнаруживал в себе ни желания, ни возможности для возражений этому её мотиву.

продолжение следует